

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ (Москва)

ОБ ИСТОКАХ s-ОВОГО ЛАТИВА В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

В среде финно-угроведов существует единое мнение, что т. н. s-овый латив, встречающийся в финно-угорских языках, некогда принадлежавших к финно-волжской языковой общности, представляет собой явное новообразование. При всех попытках реконструкции падежной системы уральского праязыка он, как правило, не принимается во внимание. В современных прибалтийско-финских языках и языках волжской группы s-овый латив сохранился в разной степени. В современных прибалтийско-финских языках его можно считать исчезнувшим падежом. В реликтовом виде он сохраняется как коаффикс в составе падежных показателей т. н. внутреннеместной серии: фин. *talo-s-ta* 'из дома', *talo-s-sa* 'в доме' (< *talo-s-na*), эст. *raamatu-s* 'в книге', *keldri-s* 'в погребу', *küla-s-t* 'из деревни' и т. д. Остатки латива на -s в финском и эстонском представлены в некоторых наречиях: фин. *ulo-s* 'вон', *ala-s* 'вниз', *ylö-s* 'вверх', эст. *ala-s-pidi* 'вниз', эст. диал. *ku-s* 'куда' и т. д.

В саамском языке обнаруживается сходное состояние. s-овый латив прослеживается в сложном по происхождению окончании локатива -*si*: *čāze-s-t* 'в воде', *go-s-t* 'где' и т. д. и в отдельных наречиях, ср. саамН *vuola-s* 'вниз', *vuosta-s* 'против', *olgu-s* 'из', *bāja-s* 'вверх' и т. д.

Гораздо более употребителен s-овый латив в марийском языке, но и здесь он обнаруживает все признаки рецессивного падежа, например, *Василий Иванович, газетым налын, диванеш шинче* 'Взяв газету, Василий Иванович сел на диван'; *Омса ваштареш кок тӧрза, когынекат куд-вечеш лектеш* 'Напротив двери два окна, оба смотрят во двор' (Коведяева 1978 : 29).

Окончание s-ового латива в виде коаффикса содержится в окончаниях некоторых марийских местных падежей: *чодра-ш-те* 'в лесу', *чодра-ш-ке* 'в лес' и т. д. Довольно часто встречается оно и в наречиях: *почеш* 'вслед за', *олмеш* 'вместо', *уш* 'снова', *тореш* 'поперек' и т. д.

В мордовских языках латив на -s, в отличие от марийского, употребляется довольно часто и регулярно: эрз. *Панизе айгоронтъ дикой степс* 'Погнал он жеребца в дикую степь', *Рав берекс ветизе* 'На берег Волги привел он его'; мокш. *Суvasь фкя веленяс и кизефни удома васта* 'Вошел в одно село и спрашивает про ночлег' (Грамматика мордовских языков 1962 : 137, 139). В виде коаффикса окончание s-ового латива представлено в окончаниях некоторых местных падежей: ср. эрз. *кудосо* 'в доме' (из *кудо-с-но*), *кудо-с-то* 'из дома'. Обнаруживается s-овый латив и в наречиях: *ланг-с* 'на (что-нибудь)', *од-с* 'заново', *мей-с* 'зачем' и т. д.

С известной долей вероятности можно предполагать, что показатель s-ового латива возник на базе какого-то чисто словообразовательного

суффикса. Основания для такого предположения в финно-угорских языках имеются. Так, марийские суффиксы *-aш/-äш*, *-акш/-äкш* (исторически из *-as/-äs*, *-äks/-äks*) указывают на назначение предмета, на материал, для чего он служит или предназначен. Примеры: луг., вост. *вочкаш* 'материал для кадушки' от *вочко* 'кадка, кадушка', *ыштыраш* 'домашнее сукно' от *ыштыр* 'онучи, портянки', *тувыраш* 'материал для рубашки' от *тувыр* 'рубашка' и т. д. (Галкин 1966 : 18). В диалектах суффикс *-aш/-äш* представлен одинаково, за исключением северо-западного наречия, в котором в существительных, указывающих на назначение предмета, вместо *-aш* выступает *-акш/-äкш*; например: *ялакш* 'штаны' от *ял* 'нога', *шуракш* 'крупа', ср. луг. *шур* 'суп'; *левакш* 'крыша', ср. *леве* 'теплый'; *руакш* 'тесто', ср. *ру* 'дрожжи'; ср. также горн. *ялаш* 'штаны' от *ял* 'нога', *шыраш* 'крупа', *тыгыраш* 'материал для рубашки' от *тыгыр* 'рубашка' (Галкин 1966 : 19).

В родственных языках также различаются формы на *-ks* со значением 'предназначенный для чего-либо': фин. *jalas* (ген. *jalakse-*) 'полоз у саней' от *jalka* 'нога', *sormus* (ген. *sormukse-*) 'кольцо', эрз. *суркс* 'кольцо' от *сур* 'палец', *кетькс* 'браслет' от *кедь* 'рука', т. е. 'то, что предназначено для пальца, для руки' и т. д., комиЗ *пуртöс* 'ножны', удм. *пуртас* 'ножны' от *пурт* 'нож', т. е. 'то, что предназначено для ножа', комиЗ *шыдöс* 'крупа' от *шыд* 'суп', т. е. 'то, что предназначено для супа', чöröс 'чулки, носки' (*чör*: *кок чör* 'голень ноги'), *сийс* 'хомут' (ср. *сили* 'шея') и т. д.

Показатель *s*-ового латива как бы представляет собой результат упрощения форманта *-ks*, главным значением которого было предназначение (Бубрих 1953 : 67). Однако это проблему еще не решает, так как формант *-ks* сам был сложным — он состоял из двух одинаковых или сходных по значению суффиксов *k* и *s* (Хакулинен 1953 : 87). А это означает, что следует найти примеры, где суффикс *-s* употребляется самостоятельно.

Во-первых, в некоторых языках он действительно употребляется без сопутствующего элемента *k* — это прежде всего пермские языки, ср. комиЗ *сöвтас* 'груз; то, что предназначено для погрузки' (*сöвтыны* 'грузить'), *ломтас* 'топливо, горючее' (*ломтыны* 'топить'), *мавтас* 'смазка' (*мавтыны* 'мазать, смазывать'), *вердас* 'корм' (*вердны* 'кормить'), удм. *вандос* 'скот, подлежащий убою' (*вандыны* 'зарезать, заколоть'), *жyтос* 'ноша, груз; то, что подлежит ношению' (*жyтыны* 'поднять'), *воштос* 'то, что подлежит обмену' (*воштыны* 'менять, обменять') (примеры из: Федюнева 1981 : 19).

В данном случае не совсем ясно, представляет ли конечный *s* во всех словах результат упрощения *ks*. Группа *ks*, защищенная гласным, в пермских языках могла бы сохраниться. Однако нет таких форм типа **вердаксыс* 'его корм' от *вердас* 'корм'. Не исключена возможность, что *s* здесь является самостоятельным. Кроме того, наличие в финском языке двух падежей — реликтового латива на *-s* и широко употребляемого еще в настоящее время транслатива на *-ks* — не подтверждает возникновения окончания латива *-s* в результате упрощения окончания транслатива на *-ks*. Этот же вывод подтверждается и данными мордовского языка. Вместе с тем в финно-угорских языках имеются свидетельства того, что в древности суффикс *-s* не имел значения 'предназначенный для чего-либо'.

В марийском языке существует суффикс *-се* (*-со*, *-сö*, *-шы*, *-шы*), при помощи которого образуются относительные прилагательные, выражающие признаки отношения предмета к месту или ко времени. Таких прилагательных в марийском языке довольно много: *оласе* 'городской'

от *ола* 'город', *чодрасе* 'лесной' от *чодра* 'лес', *уремысе* 'уличный; находящийся на улице' от *урем* 'улица', *кызытсе* 'теперешний' от *кызыт* 'теперь', *йѳмбалсе* 'верхний, верховой' от *йѳмбал* 'верх', *верысе* 'местный' от *вер* 'место', *кавасе* 'небесный' от *кава* 'небо', *йымалсе* 'нижний' от *йымал* 'низ', *йылмысе* 'языковой' от *йылме* 'язык', *ожнысо* 'древний' от *ожно* 'давно', *олыкысо* 'луговой' от *олык* 'луг', *йѳдымсѳ* 'ночной' от *йѳд* 'ночь', *кѳргысѳ* 'внутренний', от *кѳргѳ* 'нутро', *тѳрысѳ* 'крайний, находящийся на краю' от *тѳр* 'край' и т. д. (Современный марийский язык 1961 : 111—112). Возникает вопрос: может быть, за s здесь скрывается не s, а какой-то другой звук. Ведь финно-угорский s в марийском языке регулярно превращался в ѳ.

Можно предполагать, что в данном случае этот фонетический закон был нарушен. Если бы суффикс *-со/-се* превратился в *-шо/-ше*, то он очень напоминал бы суффикс причастия настоящего времени, ср. *лудшо* 'читающий', *малышо* 'спящий', *возышо* 'пишущий' и т. д. Поэтому древний s здесь сохранился и не перешел в ѳ.

О том, что в приведенных выше марийских относительных прилагательных в суффиксе *-со/-се* был действительно s, а не ѳ, свидетельствуют данные других финно-угорских языков: комиЗ *вѳрса* 'лесной', *войвыса* 'северный', *сыктывкарса* 'сыктывкарский', *эжваса* 'вычегодский', *сиктса* 'деревенский', *дорса* 'крайний', *вывса* 'находящийся на ком-чем-л.', *увланьса* 'живущий внизу', *водзса* 'находящийся впереди', *бѳрса* 'задний, идущий позади', *ордса* 'относящийся к семье названного лица', *улиса* 'нижний, относящийся к низу или к нижнему этажу', *ылиса* 'дальний', *пытшкѳсса* 'внутренний' и т. д.

Не исключена возможность, что в глубокой древности суффикс *-s* обозначал место какого-либо предмета, входящего в сферу расположения другого предмета, ср. комиЗ *сиктса* 'деревенский, принадлежащий деревне', мар. *кѳргысѳ* 'внутренний, находящийся внутри чего-либо'. Материалы пермских языков вполне подтверждают такое предположение. Суффикс *-ас* часто обозначает место действия: комиЗ *куйлас* 'лежка зверя' (*куйлыны* 'лежать'), перв. 'место, где лежит зверь', *вуджас* 'переправа, место, где переправляются' (*вуджны* 'переходить'); *дзѳбас* 'тайник; т. е. место, где прячут', *репас* 'лежка птицы в снегу' (*репны* 'упасть, слететь'), *ректас* 'подсека; место, где выжигается лес под пашню или сенокос' (*ректыны* 'освобождать, вычистить') (примеры из: Федюнева 1981).

Аналогичное значение может иметь также суффикс *-ѳс*: комиЗ *пыдѳс* 'дно, т. е. нечто, относящееся к глубине', *пытшкѳс* 'внутренность, т. е. нечто, относящееся к внутренней части', *веркѳс* 'поверхность, т. е. нечто, относящееся к верхней части' и т. д.

На базе этого древнего значения могли развиваться все остальные. Значение отношения к предмету могло превратиться в значение предназначенности, например, удм. *вандос* 'скот, подлежащий убою', комиЗ *ломтас* 'то, что предназначено для топлива' и т. д. Не исключено, что значение предназначенности в ряде случаев могло превратиться в значение результата действия: комиЗ *тэчас* 'скирд, омет' от *тэчны* 'складывать; то, что надлежит сложить' > 'то, что уже сложено'. Ср. также комиЗ *потас* 'щель' (*потны* 'лопнуть, расщепиться'), *вурас* 'шов' (*вурны* 'шить'); *кырас* 'ров' (*кырны* 'отваливаться').

Можно допустить, что существительные с этим значением создавались по аналогии. Первоначальное *ломтас* 'топливо, т. е. то, что подлежит сжиганию' стало восприниматься просто как материал, в значении русского 'дрова'. Отсюда по аналогии могли быть образованы такие существительные, как *тэчас* 'скирд', *тубрас* 'сверток', *вердас* 'корм' и т. д. Это тем более вероятно, что в пермских языках нет спе-

циального причастия на -s. Значение орудия действия возникло непосредственно из значения предназначенности: коми *З пелыс* 'весло, т. е. то, что предназначено для гребли', удм. *кутэс* 'цеп' (*кутсаны* 'молотить, бить'), т. е. 'то, что предназначено для молотьбы' или 'то, чем можно молотить'.

Г. В. Федюнева, посвятившая статью значениям s-овых субстантивизирующих суффиксов в пермских языках (Федюнева 1981), ссылаясь на работы К. Е. Майтинской и В. И. Лыткина, утверждает, что первоначально суффикс -s обладал очень широкой семантикой. «Реликты функциональной недифференцированности обнаруживаются не только в обилии и разнообразии значений s-овых суффиксов, но и в довольно часто встречающейся возможности различной семантической трактовки того или иного производного, особенно в сфере глагольного словообразования, где суффиксы более всего сохранили способность к деривации, например: *вотёс* 'грибы, ягоды' (*вотны* 'собирать'): 1) результат действия, т. е. то, что собрано и 2) объект действия, т. е. то, что можно или нужно собрать; *ямас* 'спад воды' (*ямны* 'спадать, о воде'): 1) место действия и 2) абстрактное выражение действия и др. О древнем широком значении суффикса свидетельствует также использование s-овых суффиксов в сфере прилагательного, например: коми *матыс* 'близкий', *ылыс* 'дальний', *гöгрöс* 'круглый', *висьлёс* 'болезненный', удм. *серемес* 'смешной', *зигырес* 'спутанный, косослойный', *ылыс* 'толстый, сырой, недоваренный' и т. п. (Федюнева 1981 : 23).

Убеждение в том, что слово первоначально обладало массой довольно диффузных значений, широко распространено среди советских лингвистов. Оно было усвоено в свое время из нового учения о языке. Ведь Н. Я. Марр также утверждал, что первоначально значение слова было довольно диффузным и недостаточно определенным. Слово имело массу всяких значений.

Чтобы отказаться от этого взгляда, достаточно встать на реальную почву. Ведь каждое значение слова имеет свою историю. Оно возникает по определенным причинам путем филиации и переосмысления какого-то предшествовавшего ему значения. У слова без всякой причины не может сразу возникнуть множество значений. Предполагать наличие у слова в древности множества значений — значит игнорировать реальные процессы развития семантики. Развитие многих значений s-ового суффикса происходило последовательно и постепенно.

В финно-угорских языках финно-волжской языковой общности произошло дальнейшее развитие значений суффикса -s. На базе значения 'относящийся к данному предмету' возникло значение направления, движения к данному предмету. Возможность такого переосмысления можно продемонстрировать на мордовском примере:

1) *молемс* 'идти' *кудос* 'нечто относящееся к дому (по месту расположения)';

2) *молемс* 'идти' *кудос* 'в дом'.

По всей видимости, первоначально s-овый латив не принадлежал к серии внутрениместных падежей. Такой вывод можно сделать на основании некоторых косвенных данных.

Вносительный падеж на -s в современных мордовских языках имеет два значения: 1) внутрениместное: *Сон кашазь совась кудос* (Коломазов 3) 'Он торопливо вошел в избу' (Ермушкин 1978 : 226); 2) внешнеместное — указание на движение какого-либо предмета на поверхность другого: эрз. *Понгавтан истя мон пангом туолс* 'Вешаю я так свое панго (головной убор женщины) на гвоздь' (Ермушкин 1978 : 227).

Обстоятельный падеж с показателем *-еш/-ш*, по Е. И. Коведяевой, может выражать как направление к предмету, месту, так и местонахождение (и внутри-, и внешнеместное) (Коведяева 1978 : 127).

Марийский местный падеж, суффикс которого *-ште/-што/-штö* содержит суффикс s-ового латива, может обозначать местоположение на предмете: *Мый тыйым курыкышто вучем* (Чавайн) 'Я тебя на горе буду ждать' (Коведяева 1978 : 134). Направительный падеж в марийском языке (суффикс *-шко/-шкö*) обозначает направление действия как во внутрь, так и на поверхность предмета (Коведяева 1978 : 135).

Все эти факты свидетельствуют о том, что в современных мордовских и марийском языках s-овый латив не является показателем серии внутреннеместных падежей. Чем такое состояние могло быть вызвано? Есть все основания усомниться в том, что в прамарийском языке существовали две четко выраженные серии внешнеместных и внутреннеместных падежей, как это имеет место в прибалтийско-финских языках.

В мордовских языках как будто имеется показатель серии внутреннеместных падежей *-s*, но ему регулярно не противостоит показатель серии внешнеместных падежей *-l*, ср. фин. *talossa* 'в доме' и *talolla* 'на доме'. В этих условиях латив на *-s* мог выражать как аллативное, так и иллативное значение.

В марийском языке показатель внешнеместной серии был выражен более четко. Ряд падежей с ним действительно имел внешнеместное значение, ср. мар. *чодралан* 'по направлению к лесу', *авалеч* 'от матери'.

Довольно выпукло представлен показатель *l* в пермских языках, где действительно существуют внешнеместные падежи с этим показателем: *вöрлань* 'по направлению к лесу', *керкалысь* 'от дома', *тшакла* 'за грибами' (некогда 'по направлению к грибам') и т. д. Однако и здесь не было четкого противопоставления двух серий, поскольку s-овый латив в пермских языках отсутствует.

Устное противопоставление двух серий, по всей видимости, сложилось только в прибалтийско-финских языках. В других финно-угорских языках, в частности в марийском, мордовских и пермских, все это не было достаточно ярко выражено и маркировано. В основном поэтому s-овый латив в современном марийском и мордовских языках фактически не является показателем какой-либо определенной падежной серии.

Некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что в период финно-волжской языковой общности s-овый латив был распространен, по-видимому, довольно широко.

В мордовских и марийских формах опатива выступает элемент *-s* (варианты *-з*, *-ж*, *-ш*), ср. эрз. *кортазо* 'пусть говорит', *кортаст* 'пусть говорят', мокш. *кандозан* 'пусть я несу', *кандоза* 'пусть он несет', мар. *возыжно* 'пусть он пишет', *возышт* 'пусть они пишут' и т. д. (Серебренников 1980).

Менее абстрактное мышление древнего человека требовало выражения такой модальности, как желание осуществления чего-либо, более наглядными языковыми средствами, например, путем передачи ее средствами пространственной направленности. s-овый латив был весьма пригоден для этой цели.

Широкому распространению лативного окончания *-s* в языках финно-волжской общности способствовало и наличие в них множества лативных падежей. В прамарийском языке можно предполагать существование латива на *-ke*, латива на *-ñ*, направительного на *-la*, латива на *-e*. В прамордовском были латив на *-ñ*, латив на *-ka*, латив на *-η*. По-видимому, все эти падежи имели очень близкие значения, а некоторые из них употреблялись довольно редко. Язык нуждался в каком-то новом, более употребительном лативе, с более широким значением. Очевидно, таким падежом и стал s-овый латив.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубрих Д. В. 1953, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск.
 Галкин И. С. 1966, Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть II, Йошкар-Ола.
 Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология, Саранск 1962.
 Ермушкин Г. И. 1978, Типологическая эволюция системы местных падежей в истории мордовских языков. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва.
 Коведяева Е. И. 1978, Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка. — Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва.
 Серебренников Б. А. 1980, О происхождении суффиксального элемента *s* в формах повелительного наклонения в мордовских и марийском языках. — СФУ XVI 1980, 98—101.
 Современный марийский язык. Морфология, Йошкар-Ола 1961.
 Федюнова Г. В. 1981, О системе *s*-овых субстантивирующих суффиксов в пермских языках. — СФУ XVII 1981, 17—25.
 Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка I. Фонетика и морфология, Москва.

B. A. SEREBRENNIKOV (Moskau)

ÜBER DEN URSPRUNG DES LATIVS AUF -s IN DEN
 FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

In den meisten finnisch-ugrischen Sprachen ist der Lativ auf -s beinahe verschwunden. Wo ist der Ursprung dieses Kasus zu suchen? Man könnte annehmen, daß dessen Ursprung irgendwo im Bereich der Derivationsuffixe liegt. Es gibt gewisse Gründe für eine solche Annahme. Das Suffix *-ks* drückt z. B. Zugehörigkeit aus, vgl. fi. *sormus*, mdE *surks* 'Ring' (= Etwas, was für den Finger bestimmt ist). Aber dieses Suffix ist zusammengesetzt, so daß man die Bedeutung des isolierten suffixalen *s* irgendwie herausfinden muß. Im Marischen und Syrjänischen findet man das Suffix *-se*, *-sa*, das lokale Zugehörigkeit ausdrückt, die gewöhnlich durch irgendeinen Gegenstand bestimmt wird, vgl. mar. *čodra-se*, syrj. *ver-sa* 'zum Wald gehörig'. Aufgrund einer solchen Bedeutung konnte sich eine lativische Bedeutung entwickeln.